

ИСТОРИЯ

УДК 94(520):316.483“11”

П.А. Бояринова

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ «ГЕНДЕРНОГО БЕСПОКОЙСТВА» В ЭГАЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ЯПОНСКОГО РОМАНА «ТОРИКАЭБАЯ МОНОГАТАРИ»)

Рассматривается феномен гендерного беспокойства в историческом разрезе. Методологическая часть статьи посвящена раскрытию понятия гендерного беспокойства (в понимании его автора – Джудит Батлер) и сути его проявления в патриархальных и гендерно эгалитарных культурах. В конкретно исторической части статьи анализируется японский роман XII в. «Торикаэбая моногатари, или Путаница» (относящейся к эпохе Хэйан). На примере данного романа показана специфика функционирования гендерных регулирующих рамок и нарушения законов поло-гендерного совпадения в эгалитарной культуре.

Ключевые слова: гендерное беспокойство; гендерно эгалитарная культура; культура эпохи Хэйан.

Благодаря постструктуралистскому анализу произошёл сдвиг в понимании конструкта гендера в патриархальных культурах (так как анализ проводился в первую очередь на материале европейской истории и культуры). Для нас стало более понятным, как в европейском обществе появилась особая матрица, формирующая социально одобряемую идентичность через определенные нормы, создающиеся фаллоцентристским гетеросексистским дискурсом.

Эта матрица предполагает жесткое соответствие пола и гендера (женщина должна соответствовать канонам феминности, а мужчина – маскулинности). *В фаллоцентристском дискурсе мужское и женское посредством сексуального желания должны составлять бинарную пару, но это не всегда так.* Если данное соответствие нарушается в патриархальной культуре, то возникает кризисная ситуация, названная Джудит Батлер «гендерное беспокойство» [1. С. 8].

Гендерное беспокойство – это ситуация, когда человек переживает социокультурный шок, не имея возможности верно идентифицировать собеседника, определить его социальный статус (что критично для культур со строгой гендерно обусловленной иерархией). Легче всего в традиционной культуре при помощи социально-психологического и даже физического насилия заставить человека с гендерными девиациями соответствовать нормам или прибегнуть к остракизму, чтобы избавиться от конфликта.

Ситуация гендерного беспокойства показывает, насколько важна перформативность гендера в формировании идентичности, на которую индивид претендует [2. С. 328]. Обучение и реализация процесса *производства верного гендера* – один из важнейших элементов успешной социализации.

В патриархальной культуре фаллоцентристской гетеросексистской матрицей насильно создается единственность социально приемлемой идентичности на основе бинарных оппозиций (мужское – женское), что и является предпосылкой к неизбежному возникновению социальных конфликтов из-за выхода некоторых индивидов за рамки регулирующих практик поло-гендерного совпадения.

Однако есть культуры, в которых соответствие пола и гендера не так жестко выражено, вследствие чего существуют механизмы смены производства одного гендера на другой, что не допускает возникновения гендерного беспокойства (следовательно, в обществе меньше поводов для возникновения конфликта).

Такие механизмы существуют у самых разных народов. «Превращение пола» среди шаманов Северо-Восточной Сибири (чукчей, коряков, ительменов, эскимосов, алеутов) было описано в работах участников научных экспедиций начиная с XVIII и вплоть до начала XX в. [3. С. 324].

В Албании до сих пор существуют так называемые буренша – женщины, воспитанные родителями в качестве мужчин из-за отсутствия сына-наследника. Интересно, что именно существование строгой патрилинейной системы, предполагающей передачу наследства по мужской линии, привело к возникновению буренша, призванных отказаться от брака и сексуальных отношений для того, чтобы сохранить семейную собственность [4. С. 61].

Среди некоторых культур коренных жителей Америки существует такая любопытная категория, как бердаче (также их можно встретить в Юго-Восточной Азии и Южной Океании). Чаще всего это мужчины, которые носили женский гендерный дисплей и выполняли женские гендерные функции, но при этом в обществе знали, что они мужского пола [5. С. 101].

В североамериканской культуре мохавков родители могли воспитывать мальчика, как девочку (алиха), а девочку, как мальчика (хваме), если с детства они проявляли интерес к занятиям и предметам, традиционно ассоциирующимся с противоположным полом. Также переход мог быть осуществлен человеком самостоятельно в любое время [Там же. С. 101–102]. При этом перешедшие имели право на брак и семью, а мужчин даже учили имитировать менструации и роды.

И это далеко не все примеры, когда несоответствие гендера полу не вызывает в культуре социального напряжения и беспокойства, а сам индивид не считается девиантом.

Однако кроме патриархальных культур и создавших больше двух гендерных норм культур существу-

ет еще и тип общественного устройства, к которому стремится современная западная культура и большая часть мира в той или иной степени, – эгалитарное общество или, в контексте гендерной тематики, общество гендерного равенства.

Процесс формирования *гендерно эгалитарного общества* (при помощи политики эмансипации полов и сексуальных меньшинств) вызывает беспокойство у тех, кто считает, что гендерный эгалитаризм противоречит неким естественным законам природы, нарушение которых приведет к катастрофическим последствиям для рода человеческого.

Исследование специфики гендерного перформанса и ситуации гендерного беспокойства в реально существовавших гендерно эгалитарных культурах дает возможность извне взглянуть на существующие стереотипы, исследовать возможности и особенности функционирования гендерного эгалитаризма.

Общество гендерного равенства – это постсовременный идеал, что не противоречит возможности существования обществ, в большей степени соответствующих критериям гендерного эгалитаризма. Один из ярких примеров – культура эпохи Хэйан в Японии (VIII–XII вв.).

Мы должны понимать, что гендерный эгалитаризм в культуре эпохи Хэйан (причем, в первую очередь, в аристократической среде) был относительным.

В чем отличия гендерно эгалитарного общества Хэйан от идеи общества гендерного равенства? Общество гендерного равенства подразумевает равенство политических, социальных и экономических возможностей для всех его граждан, невзирая на гендерную принадлежность, а также отсутствие ярко выраженных гендерных стереотипов и норм в культуре. В культуре общества гендерного равенства происходит отказ приписывать те или иные качества по принципу бинарных оппозиций феминности–маскулинности, а также идентифицировать субъект в соответствии с этими категориями.

Что касается политических и экономических прав и возможностей мужчин и женщин в эпоху Хэйан, то они, конечно, не были равными, с одной стороны, но, с другой – были достаточно специфическими, чтобы защитить и обеспечить как мужчин, так и женщин.

В аристократических кругах карьерой и определенной работой были обеспечены как мужчины, так и женщины. Причем восхождение по карьерной лестнице (даже если оно связано с удачным замужеством) связывалось с такими качествами, как образованность, утонченность, знание этикета, литературы и музыки.

Особенностью гендерной системы Хэйан было то, что право наследования имели как мужчины, так и женщины. Социальный статус и должность переходили по мужской линии, а недвижимость и личное имущество – по женской [6. С. 126].

В эпоху Хэйан практиковались различные формы брака (матрилокальные, дуолокальные, неолокальные), а также визитные отношения, но совершенно отсутствовал патрилокальный брак [7. С. 124].

Даже при наличии традиции многоженства муж имел обязанности перед всеми женами как материальные, так и моральные и сексуальные. Невыполнение этих обязанностей могло быть причиной для расторжения брака по воле жены [8. С. 108].

В социальном плане чувствовалось серьезное гендерное разделение между женским и мужским мирами, как между внутренним и внешним. Женщины прятались от чужих глаз за плотными занавесками, большая часть их жизни проходила в женском кругу. Однако даже при таком видимом разделении плотными перегородками общение между мужчинами и женщинами не возбранялось и постоянно поддерживалось.

В первую очередь бросается в глаза несвойственное для традиционных обществ отцовское внимание к дочерям, которые считались не меньшей ценностью, чем сыновья.

Традиции хэйанской аристократии предполагали и наличие добрачного и внебрачного общения между мужчинами и женщинами в форме переписки и ночных визитов.

Хотя открыто обсуждать личные дела было не принято, но за любовной перепиской мог следить весь двор. Свои наблюдения в дневнике зафиксировала и Сей-Сёнагон: «Однажды по дороге я увидела, как слуга, приятный собой и стройный, торопливо шел с письмом, скатанным в трубку. Куда, хотелось бы мне узнать? Другой раз я заметила, как мимо самых моих ворот спешат хорошенькие девочки-служанки. <... > Они несли какие-то вещи, завернутые в белую бумагу, и стопки тетрадей на подносах. Что б это могло быть? Мне очень захотелось поглядеть. Но когда я окликнула девочек, они самым невежливым образом прошли мимо, не отвечая. *Можно было легко вообразить себе, у какого хозяина они служили*» [9. С. 81].

Провести же четкие гендерные различия в культуре эпохи Хэйан достаточно сложно. Легче всего выделить внешние атрибуты гендерного различия – это в первую очередь женский макияж, традиция чернения зубов, отращивание длинных волос, что делало придворных дам похожими на китайские рисунки тушью. В остальном женщины и мужчины носили схожую одежду по покрою и цветовой гамме (которая соответствовала в первую очередь годовому природному циклу).

Изучая литературу эпохи Хэйан, можно отметить, что и визуальные различия в гендерном дисплее, по видимому, были не велики, и ценились в мужчинах и женщинах примерно одни и те же внешние качества. «Отрекшийся Государь был так красив, что, будь он женщиной, Гэндзи непременно увлекся бы им» [10. С. 18], – такие «феминные» идеалы мужской красоты рисует Мурасаки Сикибу в своем романе.

По характеристикам, присущим феминности и маскулинности, сложно выделить какие-либо различия. При чтении хэйанских текстов можно заметить, что такое отличие подразумевается, но никак четко не артикулируется. Сложно выделить исключительно мужские или женские качества.

Такое положение дел приводит к специфичному восприятию путаницы гендерных ролей, вследствие чего хоть и возникает ситуация гендерного беспокойства, но воспринимается и протекает она более сдержанно.

Роман «Торикаэбая моногатари, или Путаница» относится к позднейхэйанскому периоду (второй половине XII в.) и посвящен интереснейшему казусу гендерной путаницы.

Сюжет романа завязан на произошедшей смене гендерных ролей между братом и сестрой в обществе, которое не предполагает легитимации процесса изменения производства одного гендера на другой.

В «Торикаэбая моногатари» рассказывается о судьбе двух детей высокопоставленного чиновника Садайдзина (Левого министра) – дочке Химэгими и сыне Вакагими. Они родились в одно время от разных матерей, при этом отказались чрезвычайно похожими друг на друга.

Однако при внешнем сходстве дети различались характерами с самого рождения: «Хоть дети были и на одно лицо, мальчик все же выглядел более изящным, утонченным и обворожительным. Зато девочка была блистательна и горделива» (Часть 1, 1) [11]. Со временем гендерные различия только усилились. Вакагими становился все более стеснительным и чувствительным, начал прятаться за занавеску даже от отца, никакое учение в толк не брал и предпочитал рисовать, играть в куклы и перебирать раковины. Химэгими же, наоборот, стала непокладистой, бегала на улицу играть с мальчиками в мяч и стрелять из лука, появлялась перед гостями, чтобы декламировать китайские стихи или сыграть на флейте (гости при этом считали, что перед ними мальчик).

Видя эти растущие различия и даже осознавая всю неправильность ситуации, родители «решили воспитывать Вакагими девочкой, а Химэгими – мальчиком» (Часть 1, 1) [Там же]. Сам Садайдзин хоть и был взволнован и опечален сложившейся ситуацией, но не пытался насильно навязать своим детям более «естественные» гендерные роли. В его рассуждениях присутствует некоторая свобода взглядов, предполагающая, что естественное положение дел и социальные нормы могут не совпадать: «Может быть, самой судьбой им назначено быть такими, как они есть? Такое положение предопределено в их прошлых жизнях, но все же кое-что зависит от них самих» (Часть 1, 2) [Там же].

Одна из проблем для Садайдзина состоит в том, что император и наследный принц приглашают его дочь ко двору (видимо, надеясь, что она станет его женой), так как Садайдзин относится к роду Фудзивара (на протяжении всего периода Хэйан женщины из этого рода становились императрицами). Однако Садайдзин понимает, что это невозможно, и изначально вообще предполагает, что его дети примут постриг.

Так как Химэгими очень скоро прославился при дворе своими талантами, он быстро вззошел по карьерной лестнице в качестве придворного, к двадцати годам стал Внутренним министром и вошел в круг

высшей аристократии, управляющей государством (в той части романа, где Химэгими реализует мужской гендерный перформанс, о нем пишут в мужском роде). Вакагими же делают распорядительницей женских покоев принцессы.

На время повествование практически забывает о судьбе Вакагими, прячущейся за занавесками, и сосредоточивается на жизни Химэгими, который начинает осознавать свое отличие от других и печалиться от того, что он и его сестра не такие, как все (Часть 1, 10) [Там же].

Тем временем родители Химэгими устраивают ему удачный брак с Ённокими, дочерью Удайдзина (Правого министра), надеясь, что по неопытности девушка не поймет, какого характера должны быть отношения между мужем и женой. Некоторое время дружеские отношения между супругами складываются успешно, но когда Ённокими забеременела от Сайсё, лучшего друга Химэгими, отношения практически разрываются. Химэгими перестает навещать свою жену.

Нужно отметить также и Сайсё не только как одного из важных действующих лиц, но и как персонажа с «нормальным», соответствующим полу гендером, которого периодически в романе сравнивают с Химэгими. В «Торикаэбая моногатари» о Сайсё говорится, что он «был не столь красив, как Химэгими, но и его отличали благородство и красота» (Часть 2, 5) [Там же]. С одной стороны, сам Сайсё (человек ветреный и влюбчивый) завидует Химэгими как сопернику, обладающему несравненными красотой и изяществом, которые привлекают женщин с первого взгляда (Часть 1, 8) [Там же]. Но, с другой стороны, он же думает о своем друге: «Помимо всего прочего, в нем есть такая необычайная хрупкость. Будь он женщиной, цены бы такой не было. Вот бы встретить такую!» (Часть 1, 8) [Там же].

Становится сложным определить, что же все-таки должно отличать в гендерном перформансе мужчину от женщины по хэйанским канонам. Ведь единственное, что останавливало Сайсё, – это заблуждение на счет половой принадлежности Химэгими. Выходит, что *качества (как внешние, так и внутренние), которыми обладает Химэгими, могут сделать его в глазах окружающих как идеальным мужчиной, так и идеальной женщиной.*

В тексте романа достаточно четко артикулируется только одно различие: женщина ассоциируется со слабостью и покорностью. Сайсё, опечалившись от того, что не получил ответ на любовное письмо, говорит, утирая слезы: «Я чувствую себя слабым, как женщина» (Часть 2, 5) [Там же]. Однако персонажи, в маскулинности которых не приходится сомневаться, то и дело проявляют эти качества, не стыдясь и не задумываясь о том, насколько их поведение мужественное или женственное.

Именно то, что Сайсё раскрывает тайну Химэгими, приводит к постепенному разрешению гендерной путаницы. Из-за того, что Химэгими понесла от Сайсё, ей приходится скрыться в поместье в Удзи, далеко от столицы. Химэгими долго колеблется, не желая

расставаться со своей жизнью при дворе (не удивительно, ведь ему удалось сделать блестящую карьеру; иерархически, кстати, Химэгими находится выше Сайсё). Однако Сайсё, раньше восхищавшийся и завидовавший успешности друга в мужском облике, теперь говорит: «Я спрячу тебя, ты будешь только женщиной. Если ты останешься мужчиной, я не смогу видеть тебя так часто, как хочет того мое сердце, а это невыразимо печально. Сколь бы странным это теперь ни казалось, но с самых давних времен женщина слушается мужчину – нравится ей это или нет, так уж повелось. Да и тебе самой быть мужчиной вовсе не подходит» (Часть 2, 13) [Там же].

Беременная Химэгими оказывается в безвыходной ситуации и вынуждена отправиться в Удзи, жить затворницей. Как и предполагала Химэгими, ветреный Сайсё продолжает оказывать знаки внимания Ённокими. Химэгими чувствует себя униженной и планирует на время притвориться понимающей и мягкой, а затем сбежать.

Естественно, при дворе в Хэйан не могли не заметить внезапную пропажу Внутреннего министра, начинаются поиски Химэгими. Решается отправиться на поиски и Вакагими, который неожиданно преисполняется мужественности, заявляя: «Я ведь все-таки мужчина, мне не подобает оставаться безучастной. Я хочу стать тем мужчиной, каким мне назначено быть, и сделать все возможное, чтобы найти Химэгими» (Часть 3, 13) [Там же].

Вакагими остригает волосы, облачается в мужские одежды и впервые отправляется во внешний мир. Его робость и стеснение пропадают в мгновение ока (возможно, из-за того, что автор «Торикаэбая моногатари» изначально не уделял персонажу Вакагими большого внимания).

Переход от производства одного гендера к другому подтверждает постфеминистский постулат о том, что нельзя стать женщиной (или мужчиной) раз и навсегда [2. С. 339]. Идентичность, формирующаяся относительно общества, – это процесс ее создания и демонстрации (перформанс).

Обратная смена гендерных ролей в романе происходит достаточно легко и естественно. Автор всячески старается подчеркнуть то, что новые (более естественные) гендерные роли идут Химэгими и Вакагими даже больше, чем их прежние (хотя Химэгими и пользовался успехом как мужчина, а Вакагими – как женщина).

Вот как описывается новый образ Химэгими в «Торикаэбая моногатари»: «Она отдохнула, видно, под действием снадобья ее волосы отросли и приобрели изысканный блеск, брови же были выщипаны, как то и положено. Теперь она уже ничем не отличалась от женщины своего круга, и ее блистательный и благоуханный женский облик затмевал ее прежнее мужское обаяние, но лицо ее все еще выражало тревогу, растерянность и покорность. Всей душой она желала отдаться ухаживаниям и заботам Сайсё. Осознав естественность своего нынешнего положения, она приобрела в обхождении мягкость, и никто бы не подумал, что она – тот же самый человек, что прежде. В

ее утонченности и изящности не было ни единого изъяна» (Часть 3, 10) [11].

Однако ситуация гендерной путаницы не могла пройти бесследно, и автор объясняет слишком смелые и решительные для женщины действия Химэгими, стремящейся вырваться любой ценой из плена Сайсё, отголосками ее «мужского» прошлого. Например, когда Химэгими покидает поместье Удзи, зная, что никогда больше не увидит своего сына: «Она вышла, думая лишь о ребенке. Казалось, сейчас она вернется, но все-таки она решилась уйти – видно, в ней осталась твердость, которую она приобрела будучи мужчиной» (Часть 3, 31) [Там же].

Несколько необычное поведение Химэгими отмечается и когда она появляется уже при дворе в роли Вакагими, хранительницы женских покоев: «Ее раскованные, блестящие манеры и независимость были, безусловно, мужскими» (Часть 2, 13) [Там же]. Но никто ее не осуждает за это нетипичное поведение, наоборот, это только вызывает восхищение как у императора, так и у придворных дам.

В конце концов, Химэгими и Вакагими находят друг друга и решают поменяться ролями. Химэгими учит брата играть на кото и писать в ее стиле (чтобы никто не отличил почерк и манеру игры). Вакагими рассказывает о положении дел в женских покоях. Дальнейшие судьбы сестры и брата складываются удачно. Ведь теперь женщина-Химэгими может стать женой императора (который давно был заинтересован в этом браке). Родив наследника, она становится императрицей (нёин). А мужчина-Вакагими продолжает службу, находит еще одну жену, улучшает отношения с Ённокими (и делает ее второй женой) и даже обзаводится любовницей.

Этот роман открывает нам еще один вариант рассмотрения героев: не по половому признаку, а по гендерному, как Химэгими-Вакагими в мужской ипостаси и Вакагими-Химэгими в женской. В обществе хэйанской аристократии должность, ранг и служба говорят о человеке куда больше, являясь и лицом человека, и социально-экономическим капиталом. Вакагими не просто «наследует» должность и место Химэгими, но также и жену, имущество, детей и даже любовницу (то есть продолжает отношения с той дамой, которая изначально заинтересовалась Химэгими в мужском облике).

Вообще японская литературная традиция (особенно моногатари) любит оперировать уже знакомыми образами, сюжетами и героями. Хотя «Торикаэбая моногатари» – очевидный вымысел, однако, описанная ситуация имеет под собой определенную основу, а у персонажа Химэгими был свой прототип.

В антологии «Цуцуми тюнагон моногатари» (текст которой относится предположительно к середине XI в.) есть рассказ «Любительница гусениц». Сюжет рассказа вращается вокруг некой Химэгими, дочери высокопоставленного советника, которая нарушает многие условности хэйанского общества (в том числе и гендерные).

В первую очередь она отказывается производить внешние атрибуты женского гендерного дисплея –

Химэгими не выщипывает брови, не чернит зубы, не белит лицо. За это окружающие девушки дразнят ее «белозубкой». Вообще, отсутствие такого макияжа – прерогатива мужчин, но нет никаких указаний на то, чтобы Химэгими обвиняли именно в мужланстве. В конце рассказа у девушки появляется воздыхатель, который при всем ее несоответствии находит Химэгими «красивой и благородной» [12. С. 94], при встрече отмечая, что «несмотря на неопрятность, в девушке было что-то особенное, весьма изящное и запоминающееся» [12. С. 93].

Более серьезным недостатком Химэгими является любовь к гусеницам, а не то, что она не использует макияж, носит широкие штаны или играет с мальчишками. Дело в том, что гусеницы – недостаточно изящные существа для аристократической хэйанской культуры, им не посвящаются стихи, потому что никто не находит их достойными любования.

Даже в гендерно эгалитарной культуре эпохи Хэйан, несмотря на небольшие отличия в восприятии женского и мужского образов, могла возникать ситуация диссонанса на гендерной почве, связанная с отказом индивида производить рекомендуемый и социально одобряемый вариант гендерного перформанса. Путаница, описанная в «Торикаэбая моногатари», осознается персонажами (и самим автором) как нежелательная, беспокоящая ситуация. Иного сложно ожидать от ситуации, в которой индивид испытывает серьезные трудности в социализации и вынужден ставить себя в некомфортное положение, чтобы вписаться в общество.

Стоит отметить, что обвинительные мотивы не свойственны «Торикаэбая моногатари»: персонажи, даже имея гендерную девиацию, воспринимаются как самоценные личности. Их качества и способности ценятся вне зависимости от того, какой они производят гендер. Более того, присутствует некое понимание, что даже такая нетипичная ситуация может быть

в некоторой мере predetermined, т.е. естественной по кармическим законам бытия.

Гендерное беспокойство имеет место быть, но оно не находится на первом плане. Никто из персонажей не стремится самостоятельно разрешить ситуацию гендерной путаницы, пока она сама не разрешается с течением времени.

Последующая перемена гендерных ролей приводит к возникновению отдельных образов – Внутреннего министра Химэгими-Вакагими (мужчины) и хранительницы женских покоев и жены императора Вакагими-Химэгими (женщины). Вне зависимости от того, кто исполняет эти роли, в обществе они существуют в качестве цельных, неделимых субъектов. Это подтверждает во многом выводы Джудит Батлер о том, что гендер является перформативным по своей сути: «...идентичность конструируется и утверждает себя в самом акте представления, а не выражает некую внутреннюю, предшествующую говорению и появлению сущность» [2. С. 300]. В ситуации гендерного беспокойства нарушаются законы поло-гендерного совпадения, что позволяет увидеть денатурализацию пола и гендера посредством изменения перформанса, что наглядно раскрывает как их различие, так и механизм фабрикации их единства [1. С. 137].

Если воспринимать гендер как механизм многократной стилизации тела и личности индивида при помощи набора повторяемых актов, созданного регулируемыми рамками культурного дискурса [Там же. С. 139], то можно заметить, насколько смягчается жесткость этих регулирующих рамок в гендерно эгалитарной культуре. Не только сами рамки становятся более размытыми, но и нарушение предписанных правил переживается менее остро. Это прямой эффект гибкости регулятивных практик, которые и создают идею существования некой «истины пола».

ЛИТЕРАТУРА

1. Butler J. Gender trouble: feminism and the subversion of identity. Routledge, 1990. 272 p.
2. Антология гендерной теории. М. : Прописи, 2000. 384 с.
3. Вережак Е.А. «Превращение пола» в культуре чукчей // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 324–334.
4. Young A. «Sworn Virgins»: The case of socially accepted gender change // Anthropology of East Europe Review. Vol. 16, № 1 (1998). P. 59–75.
5. Киммел М. Гендерное сообщество. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 464 с.
6. Пасков С.С. Япония в раннее Средневековье VII–XII века. Исторические очерки. М., 1987. 198 с.
7. Япония в раннее Средневековье. VIII–XII века: исторические очерки. М. : Наука, 1987.
8. McCullough W.H. Japanese Marriage Institutions in The Heian Period // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1967. Vol. 27. P. 103–167. URL : <http://www.jstor.org/stable/2718385>, free.
9. Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья / пер. со старояп. и коммент. В. Марковой. М. : Худ. лит., 1975. 364 с.
10. Мурасаки Сикубу. Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари). Кн. 2 / пер. с яп. М. : Наука ; Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 270 с.
11. Торикаэбая моногатари, или Путаница: воспроизведено по «Торикаэбая моногатари, или Путаница». URL : <http://vsemirniysledopyt.ru/b/244492/read, free>.
12. Японская новелла. СПб. : Северо-Запад Пресс, 2003. 589 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 июня 2015 г.

MAIN FEATURES OF “GENDER TROUBLE” PHENOMENON IN THE EGALITARIAN CULTURE (BY THE ANALYSIS OF A JAPANESE NOVEL *TORIKAEBAWA MONOGATARI*)

Tomsk State University Journal, 2015, 397, 108–113. DOI: 10.17223/15617793/397/17

Boyarinova Polina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sampoholder@ya.ru

Keywords: gender trouble; gender egalitarian culture; Heian culture.

American post-structuralist philosopher Judith Butler introduced the term “gender trouble” into scientific circulation. This is a situation in which the subject is confronted with a mismatch of the male or female categories with those genders produce (i.e. a situation in which gender and sexual identity do not match). The study of situations which generate gender trouble (on European material) gave the ground for debunking phallogocentric heterosexist matrix of European patriarchal culture. But the capacity of the given method is not fully disclosed, because it, like a litmus paper, is capable to uncover mechanisms of gender performativity in different cultures, in different time periods. A range of different cultures implies no rigid division into three or more genders, which are not corresponding to the binary pair of male-female. Through the mechanisms of initiation a biological woman can become a gendered male and a biological man can become a gendered female. Analysis of the phenomenon of gender trouble in an egalitarian culture has a special relevance to the contemporary political and social debate in the field of marriage, family and homosexuality. After all, the historical experience of the gender-egalitarian society’s existence can show real examples of gender-equal society functioning. Japanese aristocratic culture of the Heian period is a prime example of gender egalitarian society which existed in real-life history. The situation in “Torikaebaya Monogatari, or Confusion” reflects gender trouble which happened on the basis of the gender identity shift between brother and sister. The story describes Heian rules of femininity and masculinity which are very close to each other. Socially approved virtues of men and women are generally the same. We can also observe reactions of others on the gender confusion (heroes themselves, their parents and surrounding people). In particular, parents resign themselves to the situation, suggesting that this state of affairs is predetermined by karma. The novella shows that the man performing the woman’s gender role and the woman performing the male role both can be successful and achieve a lot in gender egalitarian society. But over time the nature and social norms take their course: the heroes again change their gender identity, and again easily fit into the hierarchy of society. The portrait of the heroine largely corresponds to the heroine of a short story “The Princess Who Loved Insects” from the anthology *Tsutsumi Chūnagon Monogatari*, which suggests an existence of a prototype – a woman who really violated many conventions of the Heian society in one way or another. It should be noted that Heian literature has lack of conviction motives. Heroes do not lose their social significance because of gender and sex mismatch. This is a direct effect of the inexistence of the “truth of sex” and flexibility of regulatory practices.

REFERENCES

1. Butler, J. (1990) *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*. Routledge.
2. Gapova, E. & Usmanova, A. (2000) *Antologiya gendernoy teorii* [Anthology of gender theory]. Moscow: Propilei.
3. Vereshchaka, E.A. (2013) “Prevrashchenie pola” v kul’ture chukchey [“The transformation of sex” in the culture of the Chukchi]. In: Chistov, Yu.K. (ed.) *Radlovskiy sbornik: Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2012 g.* [Radlovsky collection: Scientific research and museum projects of the Museum of Anthropology and Ethnography, RAS, in 2012]. St. Petersburg: MAE RAN.
4. Young, A. (1998) “Sworn Virgins”: The case of socially accepted gender change. *Anthropology of East Europe Review*. 16 (1). pp. 59–75.
5. Kimmel, M. (2006) *Gendernoe soobshchestvo* [Gender community]. Moscow: ROSSPEN.
6. Paskov, S.S. (1987) *Yaponiya v rannee Srednevekov’e. VII–XII veka. Istoricheskie ocherki* [Japan in the early Middle Ages. 7th – 11th centuries. Historical essays]. Moscow: Nauka.
7. Paskov, S.S. (1987) *Yaponiya v rannee Srednevekov’e. VII–XII veka. Istoricheskie ocherki* [Japan in the early Middle Ages. 7th – 11th centuries. Historical essays]. Moscow: Nauka.
8. McCullough, W.H. (1967) Japanese Marriage Institutions in The Heian Period. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 27. pp. 103–167. [Online]. Available from : <http://www.jstor.org/stable/2718385>. DOI: 10.2307/2718385
9. Sei Shōnagon. (1975) *Zapiski u izgolov’ya* [The Pillow Book]. Translated from Old Japanese by V. Markova. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Murasaki Shikibu. (1993) *Povest’ o Gendzi (Gendzi-monogatari)* [The Tale of Genji]. Book 2. Translated from Japanese. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura.
11. Anon. (n.d.) *Torikaebaya monogatari, ili Putanitsa* [Torikaebaya Monogatari, or The Changelings]. [Online]. Available from: <http://vsemirniysledopyt.ru/b/244492/read>.
12. Meshcheryakov. A. (2003) *Yaponskaya novella* [The Japanese novel]. St. Petersburg: Severo-Zapad Press.

Received: 03 June 2015